

Содержание

Предисловие Джетсунма Тензин Палмо	11
Введение	15
Глава 1. Трещина в мироздании	17
Глава 2. Вниз по кроличьей норе	27
Глава 3. Побег через горный перевал	44
Глава 4. Позади сердца будды Сострадания	57
Глава 5. О вторжениях и инкарнациях	67
Глава 6. Там, где живет пожирательница людей	80
Глава 7. Жертвоприношения, благодетели и пещеры	92
Глава 8. Зов	103
Глава 9. Открытие	121
Глава 10. Разведка	133
Глава 11. Гешипа	147
Глава 12. Священный центр	166
Глава 13. Возвращение	173
Глава 14. Сказки лепча	188
Глава 15. Королевские козни	195
Глава 16. Немного истории	212
Глава 17. Королевское расследование	237
Глава 18. Чудо	245
Глава 19. Побег	257
Глава 20. Открытие врат	274
Глава 21. Что было после	294
Эпилог	338
Глоссарий	361
Действующие лица	367
Места	372
Благодарности	377
Фотографии	382
Об авторе	383

Предисловие

Джетсунма Тензин Палмо*

«В шаге от рая» — это захватывающая история, полная приключений, загадок и веры. Это невероятная биография Тулшука Лингпы, тибетского ламы, жившего не так давно, которому были ниспосланы откровения о Потаенной Долине, скрытой на склонах горы Канченджанга в Сиккиме. Согласно тибетскому преданию, она существует в иной реальности, где нет смерти, болезней и страданий, — но при этом она расположена здесь, в нашем мире, и не нужно умирать, чтобы попасть туда.

Лично меня — впрочем, как и всех, кто читал рукопись, — крайне увлекла эта история. Томас К. Шор потратил годы на тщательные исследования, чтобы поведать об удивительной судьбе Тулшука Лингпы — современного ламы, искавшего вместе с тремя сотнями преданных последователей истинную Шангри-Ла**. Автор приложил немало усилий, сделав свое исследование не только точным, но и легким для восприятия. Эта по-настоящему увлекательная книга рассказывает о новейшей политической истории Тибета и Гималаев, а также о малоизвестных особенностях тибетского буддизма. Томас К. Шор

---

* Джетсунма Тензин Палмо (род. 1943) — родилась и выросла в Лондоне, одна из первых европейских женщин, получивших тибетское монашеское посвящение. Наиболее известна тем, что одна из немногих западных йогов прожила двенадцать лет в уединении в пещере. — *Здесь и далее прим. ред.*

** Вымышленная страна из рассказа Джеймса Хилтона «Потерянный горизонт». Литературная аллегория на Шамбалу.

не только замечательный писатель — у него уже выходила одна книга «Облака, которые гонит ветер» (Windblown Clouds) про его первые поездки по Индии, — но и замечательный рассказчик. Мне посчастливилось попасть на презентацию «В шаге от рая» и послушать его выступление, люди в зале были очарованы рассказом Шора и потрясены, что подобные события могли происходить совсем недавно.

«В шаге от рая» касается таких аспектов тибетского буддизма, которые во многих отношениях гораздо лучше отражают истинный дух Тибета, чем большинство книг об этом учении. Я не сомневаюсь, что книга будет интересна многим читателям. Это увлекательная история о не слишком известном человеке, обладавшем невероятной харизмой, тронет сердца даже самых закоренелых скептиков и заставит под новым углом посмотреть на то, что мы привыкли считать реальностью.

Пожалуй, «В шаге от рая» — наиболее самобытная и увлекательная книга из тех, что мне довелось прочесть. Рекомендую.

Карта Южной Азии; отмечены основные места, где разворачиваются события книги

Введение

Сможете ли вы представить, что Льюис Кэрролл объявил бы, что Страна чудес, в которую попала Алиса, существует на самом деле? И что случилось бы, если бы он собрал преданных последователей и отправился бы с ними в экспедицию?

Шла осень 1962 года.

Карибский кризис грозил положить конец привычному миру. Кеннеди и Хрущев ходили по самому краю, с пугающей ясностью мы осознали не только, что наши технологические достижения приближат конец света, но и то, что он будет неотвратим для всех. Угроза, которую представляли советские ядерные ракеты, внушала такой ужас, что школьники по всей Америке тренировались прятаться от взрывной волны под партами, а их родители рыли бункеры в надежде, что смогут пережить в них апокалипсис.

Именно в те напряженные октябрьские дни 1962 года на другом конце Земли харизматичный тибетский лама, обладавший даром предвидения, вел за собой три сотни последователей через снега и ледники гималайских вершин, чтобы «открыть проход» в потаенную долину бессмертия, которую тибетские писания XII века описывают как место невообразимого покоя и изобилия, попасть в которое возможно лишь во времена крайней нужды, когда мир подвергнется ужасному катаклизму и не останется других мест для спасения.

В этой книге – правдивая история тех людей.

Глава 1

Трещина в мироздании

*Во всем найдется трещина,
Так свет попадает внутрь.*

Леонард Коэн

– Ты ведь писатель, значит, тебя интересуют всякие истории, да? Моя теща может рассказать тебе кое-что из своей молодости. О походе к гималайским ледникам. Ты, наверное, решишь, что это все выдумки, старушечьи байки, – но, клянусь, история абсолютно правдива. Хотя, возможно, она слегка пошатнет твои представления о реальности.

С этих слов моего друга Тинли началась книга, которую вы держите в руках. Тинли занимается *танка* – тибетской иконографической живописью на пергаменте, где обычно изображаются тантрические божества и различные будды в их бесчисленных формах.

Мы сидели в его студии в Гангтоке, столице индийского штата Сикким, бывшего когда-то независимым гималайским королевством. Тинли работал скрестив ноги на коврике, а я наблюдал за ним, прислонившись к стене. Перед Тинли на деревянной раме была растянута древняя танка, которую он реставрировал по заказу сиккимской королевской семьи. Он измельчал в ступке привезенный из Тибета голубой полудрагоценный камень, чтобы подкрасить кусочек неба.

Тинли Гьяцо в своей студии, Гангток, Сикким

Детство Тинли прошло в дарджилингском Центре взаимопомощи тибетских беженцев, так как его семья была из Тибета. Когда мы познакомились, ему было около сорока, он жил в центре Гангтока, на верхнем этаже здания под названием «Свет Сиккима», с женой, сыном и тещей. Зарабатывал он живописью, у него были ученики, а также они вместе с женой держали небольшое интернет-кафе.

Я был знаком с тещей Тинли, ей было около семидесяти пяти лет, обычно она стояла на балконе, облокотившись на длинные перила, крутила молитвенный барабан и читала мантры, глядя с высоты последнего этажа на город и горы за ним. За три года до нашего с ней знакомства она обрела голову, облачилась в мантию и стала монахиней, полностью посвятив себя религии. Когда я заходил проведать Тинли, то часто поднимался к ней и, оперевшись на перила, любовался городом и заснеженными вершинами, а ее тихое присутствие успокаивало меня. Этим наше знакомство и ограничивалось,

поскольку она не знала ни слова по-английски, а я не говорил ни на тибетском, ни на одном из бутанских диалектов.

— Как история о ее походе в горы может пошатнуть мое представление о реальности? — спросил я.

Тинли рассмеялся.

— Вот пусть она тебе и расскажет, — ответил он.

— Но...

— Поверь мне, — сказал Тинли, поднимая взгляд от пестика и ступки, в которой камень уже превратился в порошок такого же голубого цвета, как бездонное тибетское небо. Он посмотрел мне в глаза: — Говорю тебе, эта история изменит твои представления о том, что возможно, а что нет. Наверняка ты подумаешь, что она все выдумала. Но это чистая правда.

— Что именно?

— Она сама тебе все расскажет! — Он снова рассмеялся. — Сейчас она в ретрите в монастыре на западе Сиккима, но как раз завтра вернется. Почему бы тебе не заглянуть к нам послезавтра вечером?

В назначенное время я был у них дома со своим диктофоном.

Тинли позвал тещу.

Она вошла в комнату, одетая в монашескую мантию. Одной рукой она перебирала бусины своих *мала* — тибетских четок, второй провела по ежику обритых волос и улыбнулась мне. Я давно не был в Сиккиме и не видел ее почти целый год. Она что-то сказала по-тибетски, а Тинли перевел:

— Она говорит, что, раз вы снова встречаетесь, спустя столь долгое время, значит, у вас по-прежнему осталась общая карма. Иначе бы ваши пути не пересеклись.

— Наверное, все дело в этой истории, — усмехнулся я.

— Эта история изменила судьбы многих людей, — сказал Тинли, а в его глазах мелькнул загадочный огонек. — Посмотрим, что произойдет с тобой.

Тинли приготовил чай. Мы все втроем уселись на полу, и женщина с помощью Тинли рассказала мне историю, которая, вне всяких сомнений, изменила течение моей жизни на следующие четыре года. Она говорила кратко, но при этом ее повествование было насыщено подробными описаниями суровых пейзажей с глубокими расселинами, бурными ручьями и горными вершинами. Было удивительно, что спустя сорок лет она так хорошо помнила все эти детали. Однако больше всего меня потрясла глубина и страстность ее веры.

Начала она с рассказа о себе: родом из Бутана, вместе с мужем держала скромное хозяйство – несколько коров и кур да небольшое злаковое поле. Еще в детстве она узнала про место под названием беюл Демошонг – потаенную долину в горах Сиккима, которую она описала как

рай на земле. Туда можно попасть через проход в скале, и каждый обретет там бессмертие. Долина эта находится на склонах горы Канченджанга. Как бы между делом, словно сообщая мне, что у нее под матрасом спрятана сотня рупий, она сказала, что внутри этой горы сокрыта половина всего мирового богатства и громадные объемы того, что она назвала духовным знанием.

– Как ты думаешь, почему здесь, в Сиккиме, так умиротворенно? Почему здесь столько счастья? – спросила она, внимательно посмотрев на меня своими ясными

Дордже Вангмо

глазами. — Все дело в том, что мы живем очень близко к Канченджанге.

Так она потягивала чай, крутила молитвенный барабан и вспоминала о своем детстве. Ее взгляд был устремлен куда-то вдаль, мимо меня.

— В Бутане наш деревенский лама, да и мои родители тоже рассказывали нам, что есть пещера в скалах и есть люди, которые сделали ее. Один человек однажды отправился из Тибета в Сикким. Высоко в горах его застал буран, и он заблудился. Человек укрылся в пещере. Она оказалась настолько прекрасной, что он не мог описать ее словами. Он провел внутри не больше двадцати минут, но, когда вышел наружу, обнаружил, что прошло уже много лет. Вжик — и он уже старик. Состарился за несколько минут!

Дордже Вангмо рассмеялась, но не из-за фантастичности своего рассказа, а из-за недоверчивой гримасы, которую заметила на моем лице.

— Я не знаю того человека, — сказала она. — Я знаю лишь его историю.

Не прекращая старательно крутить молитвенную мельницу, она объяснила, что случившееся с тем мужчиной весьма необычно и, скорее всего, связано с тем, что у него была особая карма.

— Вообще-то нельзя вот так запросто попасть туда, — сказала она. — Проход должен быть «открыт» особым тибетским ламой.

Тинли пояснил, что таких лам называют *тертонами* или открывателями кладов. Несколько таких тертонов пытались открыть вход в тайную страну, но у них оказалась неподходящая карма. На их пути возникли всевозможные препятствия, и все попытки закончились неудачно.

Когда Дордже Вангмо было тридцать шесть лет, до нее дошли слухи, что появился лама, у которого есть все необходимые признаки. Звали его Тулшук Лингпа. Хотя он был

родом из Тибета, жил он в монастыре Ташидинг, который считался священным центром королевства Сикким. Именно там, согласно предсказаниям, должен был появиться тот самый лама.

Она стала вспоминать, как отправилась в поход:

— Мой брат — он не был моим братом по крови, но все последователи дхармы — братья и сестры — так вот, мой брат собирался в Сикким, чтобы быть рядом с ламой, когда тот откроет проход. Когда он сказал мне об этом, я вдруг почувствовала страстное желание отправиться вместе с ним. Я не хотела упускать такой шанс. Поэтому я сказала мужу: «Если хочешь пойти со мной, то давай. А если не хочешь — я уйду одна». — «Что? Ты, должно быть, сошла с ума!»

Дордже Вангмо ухмыльнулась, вспоминая этот эпизод, и закрутила свой молитвенный барабан немного быстрее. В ее старческих глазах вспыхнул огонек.

— «Мне все равно, — ответила я ему. — Я уйду — с тобой или без тебя». — «Тогда я тоже пойду», — сказал он. Мы отдали наш дом и землю. Мы продали столько вещей, чтобы вырученных денег хватило на путешествие, а остальное просто раздали. Нам ни к чему были лишние деньги. В беюле у нас всегда было бы достаточно еды, так что о деньгах можно забыть. Тот, кому удастся попасть в беюл, никогда не вернется назад. Да и кто захотел бы покинуть такое место? Мы взяли билеты в один конец. Все билеты в беюл — в один конец.

Дордже Вангмо рассмеялась и хохотала так долго и заразительно, что мы невольно присоединились к ней.

Когда они добрались до Ташидинга — тогда дорога туда занимала более двух недель, тот лама уже покинул монастырь и вместе с несколькими сотнями последователей отправился открывать вход в Страну Бессмертия. Так что, не задерживаясь, Дордже с мужем повернули к северу, в направлении Канченджанги. В Юксоме, последней деревне на своем пути, они закупились провизией для длительного восхождения: по

мешку молотой кукурузы, пшеничной муки и *цампы* — жареной ячменной муки, постоянной составляющей рациона жителей Гималаев. Они смешивают эту муку с горячим чаем и маслом, а иногда просто разводят водой, скатывают в шарики и отправляют в рот.

Оба мужчины, которых Дордже Вангмо «выбрала» в качестве своих спутников, — ее муж и брат-монах — были не вполне готовы для горных переходов. Они быстро уставали, поскольку им приходилось тащить на себе мешки с провиантом, постель и все остальное. Вера их была не так крепка, как ее.

— Какая разница, сколько весят ваши одеяла, — спрашивала она, — если вы идете в Потаенную Страну? Не одно поколение наших предков ждало этого шанса.

Наконец они добрались до заснеженных вершин. Когда они утопали в снегу по пояс, именно Дордже, несмотря на то, что она женщина, отправлялась вперед и прокладывала дорогу мужчинам. Она даже протаптывала для них в снегу ступеньки для восхождения.

Они не знали, какие тайные знаки помогают ламе отыскать верный путь на этой огромной горе, простирающейся на территориях Сиккима, Непала и Тибета. Но иногда они замечали пирамидки из камней, поставленных друг на друга. Они решили, что это лама оставил их, чтобы пометить свой путь. Каждый раз, когда они видели такую пирамидку, то шли в ее направлении, поднимаясь все выше по глубоком снегу, продуваемые жестокими ветрами.

Спустя несколько дней ее брат-монах сдался и отправился обратно в Юксом. Его охватил страх высоты, сознание начало путаться, а в его сердце закрались сомнения. Теперь Дордже с мужем были вынуждены нести весь груз вдвоем. Они протаскивали два мешка на километр вперед, прятали их в пещере или под большим валуном, а затем возвращались за третьим. Кроме муки, у них был мешочек сушеной рыбы. Но они не могли ее пожарить, потому что дым от костра мог

разгневать горных духов. Так что к рыбе они не притрагивались, сохраняя ее на случай крайней нужды.

На следующий день, после ухода монаха, они повстречали семью из Сиккима. Супруги пытались свалить дерево, чтобы сделать переправу через бурную реку. У женщины на спине сидел маленький ребенок. Они тоже искали того ламу. У них был осел, а вот еды почти не было. Это невероятно потрясло Дордже Вангмо — только тот, чья вера непоколебима, рискнет забраться так высоко в горы без провизии. Именно поэтому она согласилась продолжить восхождение вместе с ними. Дордже с мужем поделились с сиккимцами едой. Они погрузили свои мешки на осла, и идти стало значительно легче, к тому же встречные кочевники рассказали, что видели ламу на непальской стороне. Чтобы попасть туда, им нужно было пересечь заснеженный высокогорный перевал, по которому проходит граница между Сиккимом и Непалом. Вскоре им стали встречаться и другие путники, идущие по следу ламы. Их отряд вырос до двенадцати человек: четырех женщин, пятерых мужчин и трех детей.

На подъеме к перевалу им пришлось совершить невероятно опасный переход по леднику. Под свежим снегом скрывались глубокие трещины. Если люди понимали, по каким приметам их отличить, то осел, к сожалению, этого не умел. Животное провалилось сквозь тонкий слой смерзшегося снега в очень глубокую трещину. Повиснув на поводьях, он раскачивался над пропастью, истошно вопя. Два мешка сорвались с его спины и исчезли в бездне — звук падения никто так и не услышал. Третий мешок удалось вытащить. В нем была цампа. Затем трое путешественников принялись тянуть за веревку, а еще двое ухватились за шею и передние ноги осла. Ценой невероятных усилий им удалось его вытащить.

В ту ночь поднялась жуткая вьюга, ветер свирепствовал, но укрыться путникам было негде, и они заснули, прижавшись друг к другу, под защитой лишь курток и одеял. Из еды

осталась только цампа, а воды не было вовсе. Они набирали в рот снег, чтобы его растопить, а затем размачивали в нем цампу. Цампа и снег — только этим они питались.

На следующее утро путники разделились и отправились в разные стороны на поиски укрытия. Отойдя на расстояние километра, Дордже Вангмо нашла пещеру, достаточно просторную, чтобы все могли в ней разместиться. Они провели там два дня, питаясь цампой и снегом, пока снаружи бушевала метель. Дордже объяснила мне, что погода в горах управляется местными духами и они были явно недовольны тем, что в их владения вторглись люди. Путники все два дня делали простирания*, молились и воскуривали благовония.

На третий день они проснулись от яркого солнечного света. Но снега намело столько, что пройти было невозможно, особенно с маленькими детьми. К тому же они с трудом представляли себе, в каком направлении нужно двигаться дальше. Поскольку запасы цампы были уже на исходе, Дордже Вангмо приняла решение, что несколько человек должны отправиться на поиски ламы с последователями или хотя бы местных кочевников, у которых можно раздобыть немного еды. Она решила, что пойдет сама, и взяла с собой двух крепких мужчин. Все трещины, кроме самых крупных, были скрыты под толстым слоем снега, и каждый их шаг мог стать последним. Они отправились в путь до восхода солнца, чтобы снег не успел подтаять — оставалась надежда, что он удержит их вес. Направление движения определяла Дордже, она же прокладывала путь.

Прервав свой почти синхронный перевод, Тинли вставил небольшой комментарий.

— У меня железная теща, — сказал он с ухмылкой. — Настоящий боец. Даже ее имя Вангмо означает «могучая».

Добравшись до первого непальского поселения, они узнали, что лама со своими последователями находится в монастыре,

---

* Буддийская практика, во время которой практикующие делают низкие поклоны, ложатся на пол («простираются») и медитируют.

стоящем ниже по склону, и что он еще не открыл вход в Потаенную Долину. Они нарвали травы для осла, набили мешок печеным картофелем и вернулись к остальным. На следующий день Дордже провела всю группу по тропе, которую проложила накануне. Еще через два дня они встретились с ламой.

В последующие несколько месяцев лама непрерывно совершал различные пуджи*, или ритуалы, чтобы задобрить местных духов. После чего он повел своих последователей (а их было несколько сотен) выше в горы, чтобы открыть то, что Дордже назвала «Небесные врата».

На этом она закончила свой рассказ и поднялась на ноги. Посмотрев время, я, к своему удивлению, обнаружил, что прошло три часа и уже наступила ночь.

— Вот так все и было, — сказала она. — Будь я моложе, показала бы тебе дорогу туда. Но мне уже тяжело ходить. Ноги болят, и стопы распухают. — Она наклонилась и потерла левое колено, глядя на свои босые ноги, изуродованные артритом. — Ты только посмотри на мои стопы! Что с ними сделало время! Можешь представить, что я прокладывала своим спутникам проход через снега! Теперь я способна лишь возносить молитвы.

Она завертела своим молитвенным барабаном и, бормоча под нос мантру Падмасамбхавы, вышла из комнаты.

---

* Центральная практика в буддизме.

Глава 2

Вниз по кроличьей норе

*Я – один из счастливчиков,
Я добрался до своей недостижимой земли.*

Карл Густав Юнг

Необычайно воодушевленный, я вышел в гангктогские сумерки. И рассказ Дордже Вангмо, и она сама заставили меня почувствовать пронизывающие ветры и снежные бури, словно пробудили меня ото сна, я чувствовал далекий маящий зов.

Знакомство с человеком, у которого хватило решимости не просто поверить в существование волшебной страны, но и пожертвовать всем ради того, чтобы попасть туда, невероятно восхитило меня.

«В беул может попасть только тот, – сказала Дордже мне, – кто готов отказаться от всего, что у него есть».

Дордже Вангмо покинула свой родной Бутан и больше никогда туда не возвращалась. Она не только с радостью раздала все свое имущество, но и с легким сердцем распрощалась со всеми, кого знала, потому что место, в которое она собиралась, было лучше всего на свете.

Размышляя об этом, я забрел на самую верхнюю точку в городе. Не знаю, может, дело в большой высоте или просто облака в тот вечер плыли особенно низко, но мне показалось,

что прямо над моей головой начинается небо. Нас ничто не разделяло. Звезды сияли так близко, словно до них можно было дотянуться рукой.

Ясный лунный свет лился сквозь быстро плывущие, клубящиеся облака. Передо мной простиралась глубокая и широкая долина, по краю которой поднимались лесистые холмы. За ними вздымались белые вершины Канченджанги. Именно там, под этим же лунным светом, лежали заснеженные склоны, о которых так живо говорила Дордже Вангмо.

Возможно, подробность ее рассказа заставила меня поверить не только в правдивость событий, но и в существование того места, которое она искала. Я чувствовал, что обязан больше узнать об этой истории.

На следующее утро я снова навестил Дордже Вангмо и спросил, знает ли она еще кого-нибудь, кто пытался попасть в беюл вместе с Тулшуком Лингпой. Она назвала мне двоих людей, те рассказали о еще нескольких, так в поисках участников того путешествия я побывал в деревнях, монастырях и горных ретритах от Дарджилинга и Сиккима в восточных Гималаях до западных Гималаев и Непала. Мне удалось встретиться с большинством доживших до наших дней участников той экспедиции, все они были уже глубокими стариками. Кроме того, я познакомился с членами семьи Тулшука Лингпы. Эти удивительные люди, когда-то без колебаний оставившие все, что у них было, чтобы последовать за своей мечтой, проявили участие и уделили мне время, чтобы рассказать о событиях, ставших для многих из них самым невероятным приключением в жизни.

Моим наиболее ценным собеседником стал единственный сын Тулшука Лингпы Кунсанг. С его помощью мне удалось сплести воедино историю самого Тулшука Лингпы и его

фантастической экспедиции. Кунсангу было восемнадцать лет, когда его отец отправился в беюл, поэтому от него я мог из первых уст узнать то, что другие пересказывали с чужих слов. К тому же отец сам рассказывал Кунсангу историю своей юности.

Вполне естественно ожидать, что сын будет преувеличивать подвиги своего отца — и в этом нет ничего зазорного. Но, какими бы невероятными ни казались некоторые детали его рассказов, я всегда получал подтверждения его словам в разговорах с другими людьми, и это поражало меня куда больше, чем сами байки. Уважение и восхищение отцом были продиктованы глубокими познаниями Кунсанга в тибетском буддизме. Но почтительное отношение не мешало ему видеть, что в его историях было много комичного и того, что можно назвать божественно вдохновленным безумием.

Я записал почти пятьдесят часов интервью с ним. Расшифровывая записи, я с удивлением обнаружил огромное количество мест, которые просто невозможно разобрать из-за смеха.

Зачастую я не мог понять, где проходит граница между вымыслом и реальностью в историях Кунсанга. У меня возникало чувство, будто я иду по узкой доске, балансируя над глубокими водами, а он увлекает меня все дальше и дальше, заставляя терять контроль и забывать о законах логики.

Обычно его рассказ имел вполне надежное основание, но по ходу сюжета события становились все более фантастичными, и я вдруг ловил себя на том, что продолжаю слушать, веря каждому слову, хотя уже давно должен был усомниться. И я даже верил в реальность таких его утверждений, которые сами по себе никто бы не воспринял всерьез. Но каждый раз я находил подтверждения его словам в рассказах других людей. А иногда наоборот — я перепроверял у него факты, которые услышал от других, и, к своему удивлению, обнаруживал, что даже самые немыслимые подробности совпадали.

По рассказам Кунсанга оказалось легко представить, каким был его отец: он воплощал в реальность то, что мы привыкли относить к миру фантазии. Нет, он не путал факты и домыслы, однако в своих рассказах ловко объединял их, создавая нечто совсем иное.

С самого раннего детства нас учили разделять истину и фантазию. Мы можем читать «Алису в Стране чудес» и мысленно переноситься в мир волшебства. Но, находясь там, мы осознаем, что все это понарошку. Представляя Страну чудес, мы попадаем в тайное королевство чудес, созданное фантазией автора, однако при этом сохраняем чувство реальности. Мы не пересматриваем границы между реальностью и вымыслом, а забавы ради отменяем их на время. Такой подход весьма благоразумен. Можно предположить, что и Льюис Кэрролл придерживался его. Он мог сочинять истории о Стране чудес, оставаясь уважаемым оксфордским преподавателем.

Представьте, что случилось бы, если бы Льюис Кэрролл объявил, что Страна чудес — реальна, и начал бы собирать экспедицию. Безусловно, в Оксфорде того времени, да и в сегодняшнем тоже он прослыл бы Безумным Шляпником. Граница между правдой и вымыслом тонка, но прочна — как и граница между здоровым человеком и сумасшедшим. Пересекая одну, неизбежно пересекаешь и другую.

Когда я встретился с Кунсангом в первый раз, то спросил, что означает имя его отца.

Кунсанг ответил, что для понимания значения имени Тулшука Лингпы мы должны вернуться во времена Падмасамбхавы — провидца, обладавшего магическими силами, жившего в VIII веке, его называют основоположником дхармы, или буддизма, в Тибете. Падмасамбхава странствовал по Центральной Азии и проповедовал буддизм, подчиняя себе бонских

божеств (древней религии тибетцев, имеющей много элементов шаманизма) и превращая их в защитников дхармы.

Кунсанг рассказал мне, что Падмасамбхава не только хорошо знал прошлое и разбирался в настоящем, но и мог заглядывать в будущее. Он проповедовал лишь то, что было необходимо для закрепления буддизма в этом глухом в те времена месте. Остальные знания, которыми владел Падмасамбхава, должны были быть открыты в более поздние времена, сотни и тысячи лет спустя – и он спрятал их. Эти спрятанные знания в Тибете известны под названием *тер* или *терма*, что означает «сокровище». Тех, кто способен найти терма, называют *тертонами*, открывателями сокровищ.

Терма, спрятанные Падмасамбхавой, представляли собой тантрические писания. Кроме того, он спрятал определенные ритуальные предметы, которые давали невероятную силу нашедшему их. Также он сокрыл великие духовные откровения. Но самыми важными, по словам Кунсанга, были потаенные долины, подобные той, что находится в Сиккиме и называется беюл Демошонг. Эти долины – драгоценнейшие сокровища Падмасамбхавы, и отыскать их труднее всего. Кунсанг рассказывал о великих откровениях Падмасамбхавы с большой верой и страстью. Падмасамбхава знал, что учению Будды в Тибете будет грозить опасность, и предвидел, что и когда потребуется людям. Некоторые важнейшие писания тибетского буддизма на протяжении многих веков были надежно спрятаны в сознании тертонов, на уровне, который неподвластен изменениям. Терма остаются скрытыми, пока не приходит нужное время, не появляется очередная инкарнация какого-то тертона и не «открывает» их.

Я сказал Кунсангу, что могу представить, как Падмасамбхава прятал тексты или даже *дордже* – двухконечный медный инструмент в виде молнии, который ламы используют в своих ритуалах, но не понимаю, как можно спрятать откровение, тем более духовное, и он расхохотался.

— Тебе лишь *кажется*, что ты понимаешь, как Падмасамбхава прятал тексты. Чтобы тебе было ясно, он не просто закапывал текст в какой-нибудь пещере или засовывал его в трещину в скале. Это выглядело совершенно иначе.

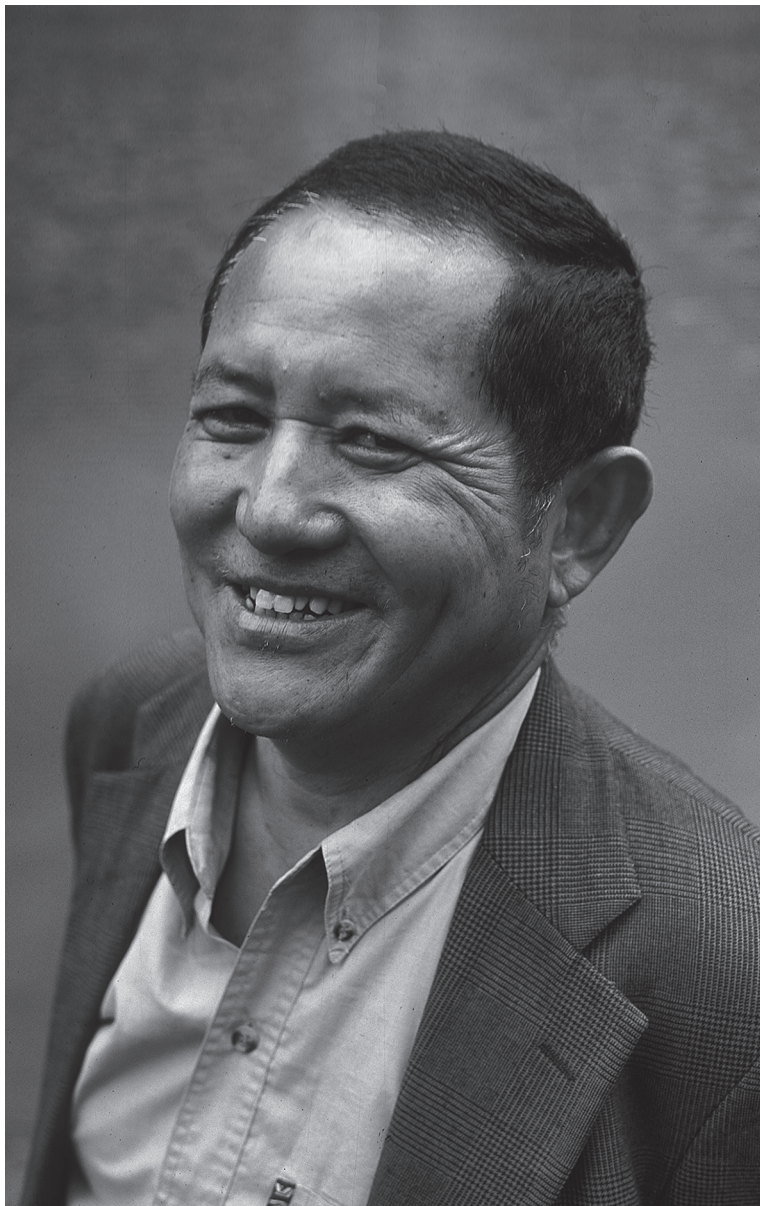
Он объяснил, что Падмасамбхава прятал терма в пяти разных областях. Некоторые он сокрыл в земле, они известны как *са-тер*, а некоторые — в горах, их называют *ри-тер*. Другие, *чу-тер*, он спрятал в воде, а еще одни, *нам-тер*, — в небе. И последние, *гонг-тер*, Падмасамбхава сокрыл в самой ткани сознания.

Одно дело — спрятать терма, и совсем другое — найти их. Спрятав терма, Падмасамбхава оставлял одного из только что прирученных «защитников дхармы» охранять его и следить, чтобы никто не открыл терма, пока это конкретное писание, магический предмет или откровение действительно не потребуется.

Он не только прятал терма во внешнем мире, но и помещал его в мир внутренний — в сознание одного из своих учеников. Но не в изменчивый, поверхностный слой сознания, в котором хранятся воспоминания и который стирается с каждой инкарнацией, а в глубинный, неизменчивый слой, где оно хранилось под надежной защитой.

Дальше все происходит следующим образом: когда время приходит и возникает нужда в определенном терма, рождается инкарнация соответствующего ученика. Он слегка безумен и способен переживать религиозный опыт, в котором при посредстве защитника дхармы или *дакини* (женского духа-вестника или проводника) получает знания или силу непосредственно от Падмасамбхавы.

Когда тертон получает писания, они не выглядят как книга. По крайней мере сначала. Иногда то, что открывает тертон, лишь несколько царапин на камне. В других случаях он вводит руку *внутрь* камня и вынимает оттуда туго скрученный пожелтевший свиток, на нем начертаны несколько «букв»

Кунсанг, сын Тулшука Лингпы

алфавита, который способен прочесть только тертон. После этого он проводит многие часы или даже несколько суток без сна, расшифровывая информацию, скрытую в этих нескольких символах, как однажды сказал Тулшук Лингпа, переводя их с языка небес на тибетский.

Тулшук Лингпа был тертоном. Тертоны славятся своим безумным характером, их поведение предугадать абсолютно невозможно. Они неординарны, иррациональны и по природе своей абсолютно непостижимы. Их сила – алогичное поведение. Люди ждут, что они пошатнут основы трезвомыслия, которое всех нас сдерживает. В конце концов, они призваны открывать скрытые сокровища, и поэтому тибетцы относятся к ним с особым почтением. Подобно драгоценным камням, они появляются на земле крайне редко.

Этому искусству нельзя обучиться. Либо эти способности даны тебе от рождения, либо нет. Как бы усердно ты ни работал, пытаясь стать тертоном, без врожденного дара это невозможно. А если такой дар у тебя есть, слишком упорно развивая его, ты рискуешь его потерять. Как писал Уильям Блейк в «Бракосочетании Рая и Ада», «прогресс проторяет прямые дороги, но гений выбирает непроторенные пути»*.

Кунсанг объяснил мне значение имени его отца. *Лингпы* – кто-то вроде тертонской элиты.

– Они находят особые вещи, – сказал он. – И поэтому они особенно безумны.

– А имя Тулшук, – спросил я, – оно что-то значит?

Кунсанг сказал: чтобы понять это, мы должны мысленно перенестись в прошлое, в Голок, селение к северу от Кама в восточном Тибете. Там родился его отец. При рождении он получил имя Сенге Дордже, что означает «львиная молния».

С самого раннего детства Сенге Дордже был невероятно сообразительным мальчиком, остроумным и охочим до

---

* Перевод Андрея Сергеева.

шалостей. Его образованием никто не занимался, но он научился всему сам. Как часто бывает в Тибете, когда маленькие мальчики демонстрируют выдающиеся способности, окружающие стали подозревать, что он – инкарнация. Еще в совсем юном возрасте его отправили учиться в Доманг Гомпа, монастырь, находящийся в его родном Голоке. Это случилось в начале или середине 1920-х годов.

В том монастыре жил великий лама, известный как Доманг Тулку («тулку» означает «реинкарнация») – так звучал его титул. Этот человек неоднократно перерождался ламой и служил в Доманг Гомпа жизнь за жизнью, с каждой инкарнацией увеличивая свое духовное знание. Имя этого ламы было Дордже Дечен Лингпа. Поскольку он сам принадлежал к лингпам, избранным и редким открывателям сокровищ, то смог распознать этот дар и в мальчике. Он заметил, что Сенге Дордже проявляет и к учебе, и к проказам одинаковый интерес. Лама также узнал, что, несмотря на то, что мальчик прогулял почти все занятия, одноклассники ему завидовали, потому что Сенге Дордже с легкостью повторял наизусть древние писания, лишь вскользь пробежав их глазами. Тогда он начал подозревать, что мальчику предназначено великое будущее.

Когда Сенге Дордже достиг возраста, в котором выпадают молочные зубы, лама решил испытать его. Он взял мальчика и еще полдюжины юных послушников в поход через пустынную равнину за монастырем. Там цепь голых холмов неожиданно упиралась в огромную скалистую гору. Он выстроил их друг за другом и повел по извилистой тропе прямо по отвесному, осыпающемуся склону над крутым обрывом.

В конце восхождения они пришли к трещине в скале, которая оказалась пещерой. Там, в полумраке, он усадил их в кружок и достал ритуальные предметы ламы: дордже – медный двусторонний жезл, символизирующий молнию, *дамару* – небольшой барабан, сделанный из черепа ребенка,

и *дилбу* – ритуальный колокольчик. Из старой кожаной сумки он высыпал немного риса в маленькую медную миску и поставил ее в центр их тесного круга.

Тибетские ламы поют священные мантры таким низким голосом, что можно почувствовать, как вибрирует воздух. Представьте, насколько усилится вибрация, если дело происходит в пещере и звук резонирует в толще древних скал. Если вам семь лет и вы воспитанник монастыря, в котором изучаете мир духов и способы общения с ним, то распевая мантры лама будет казаться вам волшебником, чьи удары в барабан доносятся до других миров, а звуки колокольчика призывают невидимых существ. Вы сидите и чувствуете, как страх ползет по позвонкам, вас охватывает благоговейный трепет, и вы ощущаете, как воздух в пещере становится плотным и обретает форму.

В тот день Дордже Дечен Лингпа провел церемонию, заставившую юных послушников замереть, широко распахнув глаза, в ожидании явления сверхъестественного. Когда он добился необходимой атмосферы, в которой казалось возможным любое необъяснимое событие, лама взял из миски горсть риса. Монотонно повторяя заклинание, перемежавшееся паузами, наполненными оглушающей тишиной, он подбросил рис в воздух.

В наступившей тишине раздались изумленные детские крики – зерна риса превратились в *пурбы*, тибетские ритуальные кинжалы, которые стали кружиться в воздухе.

Лица мальчиков исказил ужас, они отпрянули назад – все, кроме одного, Сенге Дордже. Его лицо стало сосредоточенным, он поднял руку, впился взглядом в ближайшую *пурбу* и с уверенностью, которая возможна, если в сердце не закрался страх, схватил ее и крепко сжал.

Послушники начали громко радоваться удаче своего товарища, который смог проникнуть в видение и вынуть из него предмет. Дордже Дечен Лингпа просто улыбнулся.

Пурба — тибетские ритуальные кинжалы. Ралонг Гомпа, Сикким

Такую историю поведал мне Кунсанг. Конечно, ни он сам, ни я не были там. Но, как и во многих его байках, в этом рассказе среди очевидного вымысла была доля правды, которая размывала границу между реальностью и выдумкой. Он будто специально добавлял в свой рассказ реальные факты, чтобы сбить собеседника с толку. В данном случае такой деталью была сама пурба. Кунсанг сказал мне, что с тех пор его отец всегда носил ее с собой — либо в полотняной сумке, либо за поясом.

Когда Кунсангу было около десяти лет, он с друзьями часто пробирался в комнату отца во время грозы. На ночь отец всегда клал пурбу в миску с рисом рядом с кроватью, и, когда приближалась гроза, кончик кинжала начинал светиться в крошечной темноте, ярко вспыхивая за мгновение до каждой молнии, расчерчивавшей небо. Это приводило друзей Кунсанга в такой ужас, что они еле сдерживали крик и пытались убежать. Но он удерживал их и заставлял сидеть молча и смотреть, на светящуюся пурбу рядом со спящим отцом.

На следующий день после того, как Тулшук Лингпа вытаскил пурбу, Дордже Дечен Лингпа взял его с собой на долгую прогулку.

— Простите, что я взял ту пурбу, — сказал мальчик, как только они остались одни. Он думал, что его будут отчитывать.

Дордже Дечен Лингпа улыбнулся про себя.

— Ничего страшного, — сказал лама. — На самом деле это очень хорошо, что ты взял ее. Вчера была проверка, и ты единственный, кто прошел ее. Я могу сделать так, чтобы пурбы появились в воздухе, но ни одну не могу перенести в наш мир. Пурба, которую ты взял, это нам-тер, небесное сокровище, клад, спрятанный много лет назад на небе. Раз ты смог забрать ее, значит, ты — тертон. Дай-ка мне посмотреть на нее.

Пурба была заткнута за пояс Тулшука Лингпы. Он почти-точно протянул ее лама, который внимательно осмотрел кинжал и сказал Тулшуку бережно хранить его, потому что тот даст ему большую силу.

Дордже Дечен Лингпа вернул пурбу мальчику и доверительно сказал:

— Я скоро уеду. Я собираюсь в Сикким, где попытаюсь открыть проход в беюл Демшонг, Потаенную Долину, где еще никто никогда не был. Со мной идут тридцать человек. Но путь туда не прост: нам предстоит пересечь тибетские степи, встретиться с разбойниками, преодолеть гималайские перевалы на юге Сиккима и затем взобраться на гору Пяти Райских Сокровищ — Канченджангу. Если я достигну своей цели, то уже никогда не вернусь и мы больше никогда не увидимся. Я хочу, чтобы ты знал кое-что: тебя ждет выдающаяся жизнь. Ты не задержишься здесь, а отправишься в далекие земли. Твое имя будет известно далеко за пределами страны. Если у меня не выйдет открыть проход, то это сделаешь ты.

Перед тем как Дордже Дечен Лингпа ушел в свой последний поход (его попытка открыть проход не удалась, и он умер на обратном пути в Голок), он руководил коронацией

мальчика в Доманг Гомпа. Лама объявил его лингпой и даровал имя – Тулшук Лингпа.

Тулшук означает «сумасшедший».

Почти каждый вечер я приходил в квартиру Кунсанга в Дарджилинге, чтобы побеседовать о его отце. Кунсанг со своей семьей жил в районе рынка, над пивнушкой, в которой обычно почти нет посетителей, лишь пара-тройка мужчин, потягивающих чанг за столиком с одинокой свечой посреди единственного зала. На верхнем этаже располагается квартира Кунсанга, к которой ведет длинный и неосвещенный коридор. Был сезон дождей, и я наощупь пробирался через темноту, стряхивая капли воды со своего зонта, пока наконец не натыкался на едва различимую дверь.

Обычно мы беседовали с Кунсангом в его спальне, которая также выполняла функции гостиной, в ней же находился и семейный алтарь. На стене висели изображения тибетских буддийских божеств и портреты важных лам школы ньингма в церемониальных шарфах. В одном углу стоял телевизор, а в противоположном – семейный алтарь, блестящий в полутьме комнаты, освещенной единственной масляной лампой. Эта лампа да рассеянный свет из окон зачастую были единственными источниками света во время наших встреч, поскольку из-за муссонов в Дарджилинге постоянно случались перебои с электричеством.

Обычно я заставал Кунсанга сидящим на кровати скрестив ноги, с разложенными тибетскими священными писаниями. Он читал мантры и, когда я входил, лишь на мгновение поднимал взгляд, указывая на скамью с подушками напротив себя, которую я давно облюбовал. Закончив с чтением, он вставал, продолжая распевать мантры, поджигал немного бумаги и щепок в сковородке, на которой, должно

Тулшук Лингпа

быть, когда-то жарили лепешки чапати. Затем он принимался дуть на огонь через короткую трубку, чтобы угольки раскалились докрасна, и клал туда сосновое благовоние, *санг*. Комнату сразу наполнял ароматный дым. Открыв окно, Кунсанг ставил чашу с тлеющим сангом на жестяную крышу соседнего дома, которая начиналась прямо под окном, а крыша нашего дома защищала чашу от дождя — в такой тесноте уютись дома на дарджилингском рынке. Кунсанг не переставал читать мантры до тех пор, пока белый дым не растворялся в низких облаках, стоявших над городом уже много дней подряд.

Завершив ритуал, Кунсанг аккуратно заворачивал писания в кусок ткани, обвязывал ее разноцветной лентой и забирался на кровать, чтобы поставить книгу на полку. Потом

он садился с широкой улыбкой на лице и, шевеля своими гномьими ушами, принимался смеяться еще до того, как кто-нибудь из нас произнесет хоть слово.

— Итак, и что же случилось *далее*? — воодушевленно говорил он.

За эти бесчисленные вечера Кунсанг поведал мне историю своего отца от начала до конца, иногда начиная рассказ с финальной части. Он раскручивал сюжет в обратном направлении, ведя меня через вереницу фантастических эпизодов до тех пор, пока ко мне каким-то чудом не возвращалось чувство реальности.

Обычно сразу после моего прихода к нам присоединялась его дочь Еше, а чаще сын Вангчук. Им было по двадцать с небольшим, они хорошо говорили по-английски и по очереди выступали в качестве переводчика, параллельно изучая биографию деда и необычайные обстоятельства детства отца.

Затем жена Кунсанга приносила чай — она присаживалась на кровать и слушала мужа, не произнося ни слова, — не считая тех случаев, когда история становилась настолько смешной, что мы не могли удержаться от хохота.

Иногда чай нам приносил Таманг Тулку, мальчик лет восьми-девяти. Таманги — народ, исповедующий буддизм, живущий в непальских Гималаях, рядом с тибетской границей. Мальчик был *тулку*, то есть реинкарнацией ламы, но, вероятно, не очень высокопоставленного. Поскольку Таманг Тулку родился в семье настолько бедной, что его родители не смогли позволить себе отдать сына в монастырь для надлежащего обучения, Кунсанг согласился взять его к себе. Мальчик жил в доме, одновременно выполняя функции привилегированного слуги, сына и служащего двух одежных лавок, которые семья Кунсанга держала в маленьком кирпичном торговом комплексе под нескромной вывеской «Продовольственный рай». В обмен на такую загруженность Кунсанг учил мальчишку писать и читать, а также был его наставником на пути